

КОГДА ОБЩЕСТВЕННОСТЬ ПРОБУЖДАЕТСЯ?

Борис Межуев

Марина Литвинович, герой Модного из недавних политических скандалов, призывает своих друзей по «Живому журналу» выбрать в качестве юзерпика лозунг «Я хочу перемен». Слово «перемены» вновь обретает какое-то живое звучание — спустя год после вхождения в острую стадию политического кризиса. Кризис как будто отступил — второй волны, судя по всему, так и не последовало. **Вместо «второй волны» кризиса раздался призыв Президента к обновлению и модернизации.** Этот призыв и стал главным событием текущей осени.

В стандартной ситуации за «перемены» выступает оппозиция, а власть как раз хочет «статус-кво». Высказывание «я хочу перемен» означает «я не согласен, я остаюсь в оппозиции». Ситуация становится более сложной и более интересной, когда с требованиями обновления и перемен выступает сама власть. Тогда возникает парадоксальная ситуация: если ты лоялен власти, то как бы обязан присоединиться к движению за «перемены», и, напротив, отрицая необходимость «перемен», ты тем самым волей-неволей загоняешь себя в оппозицию. Более того, в определенный момент получается так: признание необходимости «перемен» само по себе переводит тебя из оппозиции в стан каких-то «новых лоялистов». «Лоялистов» помимо иногда собственной воли: ты искренне призываешь взять лозунг власти и обратить этот лозунг против нее самой, а твои бывшие единомышленники видят в изменившейся риторике лишь решение покинуть их ряды. **С Мариной Литвинович произошло именно это: она оказалась записана в «лоялисты» исключительно на основании намерения переиграть власть на поле ее собственной идеологии.** В духе первых советских диссидентов, требовавших от руководителей Советского государства соблюдать собственную Конституцию.

Призыв Медведева к модернизации и обновлению тем самым внес не только раскол в ряды «несогласных», но и стал катализатором новых процессов внутри российского общества, в первую очередь — уставшей от «статус-кво

интеллектуальности обеих столиц. Если власть требует «модернизации», значит, можно как минимум попытаться сыграть на многозначности и полисемантической этого термина: «модернизация» — это то поле, на котором на равных могут играть Людмила Алексеева и Максим Калашников. Неизбежно активизируются философы, сразу же вынимающие из коротких штанин цитаты из европейских классиков, которые писали когда-то что-то о «свободной личности», «автономном разуме» и т.д. Их осаждают трезвые голоса экономистов, лучше других способных объяснить обществу и вла-

ской науки — во всех разговорах в печати о реформе политической системы ссылка на какие-то выводы и концепции академической политологии считается едва ли не признаком дурного тона. «Популярная политология» остановилась где-то на Фукуяме и умерла вместе с объявленным двадцать лет назад «концом истории». Сломавшись на дилемме, мучившей еще греческих софистов: если «демократия» не универсальный закон, поставленный всему человечеству самой природой вещей, то зачем она вообще нужна? Возможно, только некое оживление в цехе философов, которые уже открыли свою банкетную кампанию, приведет к какому-то новому подъему явно увядшей политической науки.

Социальные группы стали потихоньку бороться за свои корпоративные интересы: партии — за места в законодательных собраниях, философы — за особняк в центре Москвы, петербуржцы — за неизменный облик старого города. Модернизация ведь имеет еще и такое прочтение — эмансипацию разного рода социальных групп, каждая из которых теперь получает право на продвижение своих собственных интересов.

В этом несколько неожиданном по формату номере мы попытаемся фотографически схватить эти новые тенденции и тренды в столичном обществе осени 2009 года, пробужденном к жизни призывом

Марина Литвинович оказалась записана в «лоялисты» исключительно на основании намерения переиграть власть на поле ее собственной идеологии

сти, в чем состоит польза от их научных выводов и экспертных рекомендаций. Стремительная популяризация философии и кастовая замкнутость экономистов особенно наглядны в сравнении с явным упадком некогда столь многообещающей в России политиче-

к модернизации. Фактически перед вами своего рода «интеллектуальный альбом» всего того нового, что показалось РЖ живым и актуальным. Является ли все это таким на самом деле — покажет время, неумолимо приближающееся к отметке «околодесяти». ■